

— Господин Цзыжань, вы шутите, — с невозмутимым лицом ответил Лоу Юйцзэ, а его улыбка казалась натянутой, будто пришитой к фарфоровым щекам. — Это просто брат Жун Лин оказал мне честь.

Лицо Жун Лина, обычно мрачное, посветлело, услышав эти слова. Он бросил сердитый взгляд на Цзыжаня и язвительно добавил:

— Псу Чаю вместо того, чтобы слоняться повсюду и развлекаться с куртизанками, не мешало бы почитать книг!

— В глазах этого подлого мерзавца я читаю слова «полнейшее невежество». Хотя я и не силен ни в стихах, ни в ратном деле, но такой взгляд распознаю, — с деланной искренностью уставился на него Чай Цзыжань. — Как вы думаете, я прав?

Жун Лин поднял голову, приняв вид мудрого наставника, снисходительно взирающего на неразумного ученика.

Чай Цзыжань продолжил:

— Увидев господина Юйцзэ, я было вознамерился серьёзно заняться учёбой. Но, встретив господина Жун Лина, я снова передумал. — Его слуга Юань Хан, ловя настроение, спросил:

— А почему, господин?

— Брат Жун Лин обладает недюжинным талантом, но умудрился заработать репутацию «бесстыдного обманщика». Вот я и подумал: начну я серьёзно учиться — не стану ли со временем таким же... и меня тоже станут... презирать, — пояснил Чай Цзыжань.

— Пф, ха-ха-ха-ха-ха! — Юань Хан громко расхохотался, подыгрывая хозяину.

Лицо Жун Лина почернело от злости. Он уже засучил рукава, готовый броситься в драку, но Лоу Юйцзэ лёгким движением руки остановил его.

— Господин Цзыжань — человек прямой и искренний, брат Жун Лин, не стоит обращать внимания, — с улыбкой сказал он.

Улыбка Лоу Юйцзэ, подобная весеннему ветру и лунному свету, развеяла мрак в сердце Жун Лина.

Чай Цзыжань сложил руки в почтительном жесте.

— Первый господин столицы действительно оправдывает свою славу! — Затем он слегка наклонился вперёд, подмигнул Лоу Юйцзэ левым глазом и по-приятельски положил ему руку на плечо. — Вот только улыбка у вас какая-то... скованная.

Жун Лин снова полез засучивать рукава, но Лоу Юйцзэ вновь его остановил. Он на мгновение задумался, а затем с искренним взглядом произнёс:

— Благодарю вас, господин Цзыжань.

Чай Цзыжань, обняв слугу за плечи, двинулся прочь, бросив на ходу:

— Не зря вы первый господин столицы! Недостаток улыбки с лихвой компенсируется искренностью взгляда. Прямо-таки... — Он обернулся и широко ухмыльнулся:

— Ха-ха-ха, отличный спектакль!

Жун Лин, не в силах больше сдерживаться, наконец сорвался и, словно разъярённая крыса, кинулся вдогонку, чтобы избить Чай Цзыжаня. Тот не умел ни слагать стихи, ни драться, зато в искусстве бегства ему не было равных. Вцепившись в Юань Хана, он метнулся влево-вправо и, подобно огромной птице, понёсся к воротам Цинхуа. Как раз в этот момент ворота открылись, и он мгновенно скрылся за ними, будто испарился.

Жун Лин, не сумев догнать беглеца, под странными взглядами прохожих вернулся к Лоу Юйцзэ с лицом, налитым свинцовой злобой.

— Господин, да этот тип просто невыносим!

Лоу Юйцзэ, глядя на распахнутые алые ворота, лишь покачал головой и усмехнулся:

— Он просто обладает той искренностью, которую в нашем мире встретишь нечасто.

Дом маркиза Синью был пожалован лично императором. Хоть он и не поражал особой роскошью, но всё же превосходил усадьбы обычных сановников. Особенно выделялись два огромных каменных льва, что стояли по обе стороны от входа, подобно божественным стражам, охраняющим покой хозяев. Спустя полчаса к ним вприпрыжку подбежали Чай Цзыжань с Юань Ханом и, расхохотавшись, уселись верхом на изваяния.

Привратник, завидев, что беспутный второй молодой господин вернулся, поспешил внутрь доложить хозяевам.

Чай Цзыжань скучающе закинул босые ноги на львиную голову, лениво потянулся и, покосившись на Юань Хана, спросил:

— Как думаешь, кто сейчас выйдет?

Юань Хан, ухмыляясь, упёрся локтем в каменную гриву.

— Вчера ночью господин, выйдя за город, нарвался на «Живую Яму». Сегодня утром, возвращаясь, столкнулся с мстительным духом-крысой. Думаю, сегодня у господина чёрная полоса, так что, пожалуй, выйдет сам маркиз или почтенная госпожа. — *И тут же получит хорошую взбучку*, — мысленно добавил он.

Чай Цзыжань насупился и сердито буркнул:

— Иди ты! Кто сказал, что мне не везёт? Да, вчера я встретил Мо Цзюцзюня, но он мне ничего не сделал — мы друг другу не мешаем. А сегодня утром я всего-навсего намекнул тому подлому мерзавцу на то, о чём ему не хотелось бы слышать. Разве ты не видел, какое у него лицо стало — чёрное, как подошва? — Довольный, он оглянулся на распахнутые ворота усадьбы, и на его губах расплылась улыбка, мягкая, как весенний ветерок. — А я вот думаю, что выйдет моя старшая сестра.

Юань Хан решительно покачал головой.

— Никак нет. — С этими словами он аккуратно сполз со своего каменного постамента.

Чай Цзыжань же продолжал вглядываться в алые ворота, словно силой мысли пытаясь вызвать из них прекрасный образ сестры.

— Юань Хан, ты просто не понимаешь, — наставительно произнёс он. — В жизни есть и тьма, и рассвет, есть омерзительные негодяи и прекрасные сёстры. Не зацкливайся на всяких там демонах с лицами цвета сажи или раздувшихся от злобы звёздах, а то будешь вечно жить как на раскалённой сковороде — и какой в этом смысл?

Юань Хан не хотел разрушать сладкие грёзы господина, но, если он не сделает этого сейчас, боялся, что позже господин разнесёт ему бока. Он опустился на колени и произнёс:

— Маркиз, здравствуйте!

Чай Цзыжань, откинувшийся назад, вздрогнул всем телом. Его ноги, закинутаые на львиную голову, задрожали. Медленно, будто против воли, он повернул шею и безошибочно встретился взглядом с лицом, напоминавшим того самого демона с лицом цвета сажи. Его затрясло:

— А-а-а... старший брат.

Чай Цзыхао стоял с каменным, непроницаемым лицом. Увидев своего беспутного брата, он закипел от гнева и, ткнув в него пальцем, рявкнул:

— Слезай... сейчас же!

Едва прозвучало слово «слезай», как ноги Чай Цзыжаня сами собой подкосились, и он, словно мешок с картошкой, съехал с каменного льва прямо на землю.

Лицо Чай Цзыхао исказилось. Он бросился к брату, но, увидев, что тот просто перекатился несколько раз по земле у входа, с облегчением выдохнул. Однако облегчение тут же сменилось новой волной ярости. Он со всей силы пнул негодника по ноге и прикрикнул:

— Ах ты, негодник! Вечно ты влипаешь в истории! Тебе что, жизнь надоела? Хочешь, чтобы она раз и навсегда прекратилась, чтобы наконец угомониться?

Чай Цзыжань, обхватив ушибленную ногу, принялся жалобно стонать. Хотя обычно его притворство было для брата как на ладони, тот всё же беспокоился и обычно приказывал слугам отнести его внутрь. Но на этот раз, получив пинок и услышав гневные слова, он, сжимая ногу и едва сдерживая слёзы, невинно прохныкал:

— Братец, я же ничего в столице не натворил! — *В последнее время я всё делаю за городом*, — мысленно добавил он.

Чай Цзыхао, видя, как тот катается по земле, уже пожалел, что ударил слишком сильно, и хотел было осмотреть ушиб. Но, заметив, что этот негодник даже не понимает, в чём его вина, он в сердцах пнул его по той же самой ноге ещё раз, заставив брата разреветься во всю глотку и забиться в пыли от боли.

Услышав эти душераздирающие вопли, Чай Цзыхао немного поостыл и бросил грозный взгляд на Юань Хана.

Хоть Юань Хан и был слугой младшего господина, он также являлся осведомителем маркиза. Если у господина возникали какие-либо проказливые замыслы, он должен был немедленно их пресекать, чтобы избежать беды. Благодаря своему сладкому языку он не раз спасал господина

от неприятностей, за что и заслужил доверие маркиза. На этот раз, встретившись с грозным взглядом, Юань Хан с тревогой опустил голову, продолжая стоять на коленях.

Господин вчера купил загородную усадьбу, увлёкся ловлей птиц, и пыл его ещё не остыл. Как же он умудрился влипнуть в историю? — в панике думал Юань Хан. Он украдкой взглянул на господина, который как раз перестал кататься рядом. Их взгляды встретились. Господин яростно прошипел:

— Предатель.

Чай Цзыхао нахмурился и пнул Чай Цзыжаня в третий раз, точно в то же самое место. Слезы брызнули из глаз младшего брата и упали в пыль. Тот, глядя на старшего брата полными обиды глазами, взвыл:

— Да как же ты жесток!

Чай Цзыхао, видя его полное отсутствие раскаяния, едва не пнул снова — уж так и хотелось сломать ему эти непутёвые ноги, чтобы навсегда приковать к дому и книгам. Чай Цзыжань прочёл в глазах брата смертельную угрозу и мгновенно шмыгнул за спину Юань Хана, оттуда робко высунув пол-лица, искажённого обидой:

— И что же этот Жун Лин про меня наговорил?

Чай Цзыхао, от злости даже усмехнувшись, процедил:

— Ты называл Лоу Юйцзэ «красавчиком»?

Чай Цзыжань честно кивнул:

— Называл.

Лицо Чай Цзыхао стало чёрным, как смола.

— Ты обнимал Лоу Юйцзэ за плечи?

Чай Цзыжань снова кивнул:

— Обнимал.

<http://bllate.org/book/15931/1423790>